

Отто Вейнингер

Пол и характер

Отто Вейнингер

Пол и характер

«Public Domain»

1903

Вейнингер О.

Пол и характер / О. Вейнингер — «Public Domain», 1903

«Всякое мышление исходит из понятий средней общности и развивается из них по двум направлениям, с одной стороны оно стремится к понятиям все высшей абстрактности, обнимающих все большую совокупность вещей и в силу этого охватывающих все шире и шире область действительности, с другой стороны, оно направляется к пункту пресечения понятий, – к конкретному единичному комплексу, к индивидууму к тому, чего мы, в сфере нашего мышления, в состоянии достигнуть только путем бесконечного числа ограничивающих определений, путем присоединения к высшему, общему понятию «вещи» или «чего-то» бесчисленного количества специфических, дифференцированных моментов. Тот факт, что существует класс рыб, отличающийся от млекопитающих, птиц, червей, был всем известен еще задолго до того, как среди рыб стали различать хрящевых и костевых, и значительно раньше, чем, с другой стороны, пришли к мысли объединить всех рыб с птицами и млекопитающими понятием позвоночного, противопоставив червей полученному таким образом единому, более сложному комплексу явлений...»

© Вейнингер О., 1903

© Public Domain, 1903

Содержание

Часть первая	5
Введение	5
Глава I	8
Глава II	11
Глава III	19
Глава IV	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Отто Вейнингер

Пол и характер

Часть первая

Введение

Половое многообразие

Всякое мышление исходит из понятий средней общности и развивается из них по двум направлениям, с одной стороны оно стремится к понятиям все высшей абстрактности, обнимающих все большую совокупность вещей и в силу этого охватывающих все шире и шире область действительности, с другой стороны, оно направляется к пункту пресечения понятий, – к конкретному единичному комплексу, к индивидууму к тому, чего мы, в сфере нашего мышления, в состоянии достигнуть только путем бесконечного числа ограничивающих определений, путем присоединения к высшему, общему понятию «вещи» или «чего-то» бесчисленного количества специфических, дифференцированных моментов. Тот факт, что существует класс рыб, отличающийся от млекопитающих, птиц, червей, был всем известен еще задолго до того, как среди рыб стали различать хрящевых и костевых, и значительно раньше, чем, с другой стороны, пришли к мысли объединить всех рыб с птицами и млекопитающими понятием позвоночного, противопоставив червей полученному таким образом единому, более сложному комплексу явлений.

Это самоутверждение духа в сфере действительности, пестрящей бесчисленными сходствами и различиями, люди сравнивали с борьбой за существование в животном мире. С помощью понятий мы защищаемся от мира. Медленно и постепенно схватываем мы ими весь мир, как схватывают буйно помешанного связывают по рукам и ногам, с тем, чтобы обезвредить его для той ограниченной сферы, в которой он находится. Совершив это дело, и устранив главную опасность, мы приступаем к отдельным членам, и тогда все дело обеспечено.

Существуют два понятия, принадлежащие к самым древним с которыми человечеству приходилось с самого начала кое-как перебиваться в своей духовной жизни. Правда, частенько вводили в них незначительные поправки, отправляли в починку, делали лишь заплатки, тогда, когда нужно было чинить либо все, либо части; отбросив от них кое-что и снова прибавив, люди то ограничивали их содержание, то снова расширяли – подобно тому, как старый, узкий избирательный закон под напором новых потребностей вынужден развязывать один за другим свои путы. Но однако, в общем и целом, мы еще и до сих пор уживаемся с этими понятиями, точно также как уживались с ними и в старину. Я говорю здесь о понятиях: мужчина и женщина.

Правда, мы говорим о худошавых, тонких, плоских, мускулистых, энергичных, гениальных «женщинах», о «женщинах» с короткими волосами и низким голосом, говорим также о безбородых, болтливых «мужчинах». Мы даже признаем, что существуют «неженственные женщины», «мужеподобные женщины» и «немужественные», «женственные» «мужчины». Во внимании к одной только особенности, которая еще при рождении определяет принадлежность человека к тому или иному полу, мы решаемся даже приписывать понятиям отрицающие их определения. Но подобное положение вещей логически немыслимо.

Кому не приходилось, в кругу ли друзей или в салоне, в научном или общественном собрании, слушать или даже самому затевать горячие споры о «мужчинах и женщинах»,

об «освобождении» женщины. Это все разговоры и споры, в которых «мужчины» и «женщины» с безнадежным постоянством противопоставляются друг другу, подобно белым и красным шарам, которые лишены всяких различий между собою в пределах одного цвета! Не было никогда попытки исследовать спорные пункты с точки зрения индивидуальной созданности каждого из них, а так как каждый обладает индивидуальным опытом, то всякое соглашение, естественно, оказывается немислимым, как и во всех тех случаях, где различные вещи обозначаются одним словом, где язык и понятие не покрывают друг друга. Неужели «женщины» и «мужчины», представляя собою две совершенно различные группы, являются в пределах каждой группы чем-то однообразным, совпадающим во всех пунктах со всеми прочими представителями этой группы. На этом именно и покоятся, большей частью бессознательно, все решительно рассуждения о различиях между полами. Нигде в природе мы не наблюдаем такого резкого разграничения. Мы видим, например, постепенные переходы от металлов к неметаллам, от химических соединений к смесям, мы находим также промежуточные формы между животными и растениями, между явнобрачными и тайнобрачными, между млекопитающими и птицами. Ведь только из соображений всеобщей практической потребности найти точку обозрения мира, мы подразделяем явления, проводим между ними точные границы, вырываем арии из бесконечной мелодии естества. Но «разумное становится нелепым, благоденствие – мукой». Это также относится к понятиям мышления, как и к унаследованным законам оборота. Исходя из приведенных аналогий, мы и в данном случае признаем совершенно невероятным предположение, что природа провела резкую грань между всеми существами мужского рода – с одной стороны, и существами женского рода – с другой. В связи с этим невозможно охарактеризовать какое-либо существо, как нечто, стоящее по ту или другую сторону этой пропасти. Даже грамматике, и той чужда эта резкость. К бесконечным спорам о женском вопросе неоднократно привлекали анатома в качестве верховного судьи. Он должен был разрешить спорное разграничение между врожденными, а потому и неизменными свойствами мужского и женском душевного склада и свойствами приобретенными.

(Довольно странно ставить разрешение вопроса об одаренности мужчины и женщины в зависимость от анатомических выводов. Если здесь, действительно, не удастся установить никакого различия между ними с помощью опыта, взятого из какой-либо другой сферы человеческого бытия, то неужели могут какие-нибудь двенадцать лишних кубических сантиметров мозга на одной стороне опровергнуть общий результат исследования). Но более вдумчивые анатомы на вопрос о решительных критериях дают во всех случаях, идет ли речь о мозге или о каком-либо другом органе нашего тела, следующий ответ, невозможно указать на общие половые различия между всеми мужчинами и всеми женщинами, правда, у большинства мужчин скелет руки совершенно иной, чем у большинства женщин, однако невозможно с полной достоверностью определить пол не только по одним костям, но и тогда, когда отдельные члены сохранены с их мускулами, связками, сухожилиями, кожей, артериями и нервами. То же самое применимо и к грудной клетке, крестцовой кости и к черепу. Что же тогда можно сказать о той части скелета, которая особенно отчетливо должна была бы подчеркнуть строгое разграничение между полами, что можно сказать о тазе? Ведь по общему убеждению таз в одних случаях приспособлен для акта деторождения, а в других – нет. Тем не менее, и таз не может служить для нас надежным критерием. Каждый человек, наблюдая людей на улице, легко мог бы заметить, что есть много «женщин» с мужским, узким тазом, как и много «мужчин» – с женским, широким. Неужели, таким образом, отсутствуют всякие половые различия? В таком случае, не следует ли посоветовать вообще не делать никаких различий между мужчинами и женщинами!

Где выход из этого затруднения? Старое воззрение отжило свой век и не удовлетворяет нас больше, и все же мы никак не можем обойтись без него. Унаследованные понятия не дают

удовлетворительного объяснения вопроса, попробуем же поставить себе задачу – разобраться в них получше.

Глава I «Мужчины» и «женщины»

Наиболее общая классификация большинства живых существ, подразделение их на самцов и самок, мужчин и женщин, не дает никакой возможности разобраться в фактах действительности. Многие более или менее ясно сознают полную несостоятельность этих понятий. Прийти к какому-нибудь ясному положению относительно этого пункта – такова ближайшая цель моей работы.

Я вполне присоединяюсь к тем исследователям, которые в новейшее время подвергли рассмотрению явления, относящиеся к разбираемой мною теме, но тут же считаю долгом оговориться, что исходной точкой этого исследования я избираю установленный историей развития (эмбриологией) факт половой недифференцированности первоначального, эмбрионального строения человека, растений и животных.

Так, у пятинедельного человеческого зародыша нельзя еще никак распознать того пола, в который он впоследствии разовьется. Только по истечении пяти недель начинаются здесь те процессы, которые к концу третьего месяца беременности завершаются односторонним развитием, первоначально общего обоим полам строения. В дальнейшем же течении своем этот процесс приводит к выработке всею индивидуума в каком-нибудь определенном сексуальном направлении. Я не буду здесь останавливаться на описании отдельных деталей этих процессов. Этим бисексуальным строением всякого зародыша, принадлежащего даже к категории высших организмов, объясняется тот факт, что признаки другого пола всегда остаются и никогда вполне не исчезают, хотя бы даже и у вполне однополого индивидуума – растительного, животного или человеческого. Половое дифференцирование никогда не бывает вполне законченным. Все особенности мужского пола, хотя и в слабом, едва развитом состоянии, можно найти и у женского; и наоборот признаки женщины в своей совокупности содержатся и в мужчине, хотя в очень неоформленном виде. В таких случаях обыкновенно говорят, что они находятся в «рудиментарном» состоянии. Для подтверждения нашей мысли возьмем, в качестве примера, человека, который и в дальнейшем изложении явится предметом нашего исключительного интереса. У самой женственной женщины имеется на тех местах, где у мужчины растет борода, легкий пушок непигментированных мягких волосков, так называемый «lanugo». Точно также у самого мужественного мужчины находятся под сосцами комплексы молочных желез, комплексы, остановившиеся на пути своего развития. Все эти явления особенно точно исследованы в области половых органов и их выводных путей, в области так называемого *tractus urogenitalis*, все они в один голос говорят о существовании полнейшего параллелизма между признаками обоих полов в их рудиментарном состоянии. Эти эмбриологические изыскания могут быть приведены в систематическую связь, будучи сопоставлены с некоторыми другими данными. Если согласиться с Геккелем и назвать разделение полов «гонохоризмом», то тогда у различных классов и видов живых существ придется установить различные степени этого гонохоризма. Не только различные виды растений, но и виды животных, будут отличаться между собою сообразно тому, в какой степени каждый из них скрывает в себе признаки будущего пола. Самой крайней степенью половой дифференцированности, стало быть, сильнейшим гонохоризмом, является, с этой более широкой точки зрения, половой диморфизм, например, у некоторых видов «*asellus aquaticus*» (водяного ослика) наблюдается та особенность, что мужские и женские особи одного и того же вида с внешней стороны отличаются друг от друга не менее, а подчас и значительно резче, чем члены двух совершенно разных семейств и родов. У позвоночных никогда не видно такого резкого гонохоризма, как, например, у раковидных или у насекомых. У них не наблюдается такого резкого разграничения между самцом и самкой, как в явлениях полового диморфизма. Здесь скорее встречается бесчислен-

ное количество смешанных половых форм, вплоть до так называемого «гермафродитизма», а у рыб мы находим даже целые семейства с исключительной двуполостью, с «нормальным гермафродитизмом». И вот следует заранее принять, что хотя и существуют крайние самцы с самыми незначительными остатками женственности, и крайние самки с совершенно заметной мужественностью, и в центре между этими двумя типами некоторая гермафродитная форма, тем не менее, между этими тремя точками нет пустоты, совершенно незаполненной. Нас специально занимает человек. Однако все то, что применимо к нему, можно с некоторыми видоизменениями утверждать и относительно большинства других живых существ, обладающих способностью к половому размножению. Относительно же человека можно без колебаний сказать следующее: Существуют бесчисленные переходные степени между мужчиной и женщиной, так называемые «промежуточные половые формы». Как физика говорит об идеальных газах, которые подчиняются закону Бойля-Гей-Люссака (в действительности ему не подчиняется ни один газ), чтобы, исходя из этого закона, установить всевозможные отклонения от него в данном конкретном случае: так и мы можем принять идеального мужчину М и идеальную женщину Ж, как типичные половые формы, которые и действительности не существуют. Установить эти типы не только возможно, но и необходимо. Не один только «объект искусства», но и объект науки является типом, идеей, в смысле Платона. Исследуя свойства абсолютно твердого и абсолютно упругого тела, физика отлично сознает, что действительность не может представить ей ни одного случая, в котором ее выводы могли бы найти полное подтверждение. Эмпирические данные, промежуточные стадии между этими двумя состояниями тела служат для нее лишь исходной точкой для отыскания типических свойств, и эти же стадии при обратном направлении: от теории к практике, рассматриваются и исчерпывающе обсуждаются, как некоторые смешанные формы. Точно также существуют только всевозможные ступени между совершенным мужчиной и совершенной женщиной, только известные приближения к ним, сами же они реально не существуют.

Следует обратить внимание на то, что речь идет здесь не просто о бисексуальном предрасположении, а о постоянно действующей двуполости. Последняя не должна ограничиваться одними только средними половыми формами, физическими или психическими гермафродитами, как это делалось до сих пор во всех исследованиях подобного рода. В этой форме, следовательно, моя мысль является совершенно новой. До сих пор под именем «промежуточных половых ступеней» известны были только средние половые ступени, словно, говоря математически, здесь находилось место скопления половых форм, словно тут появлялось нечто большее, чем некоторое незначительное расстояние на линии, соединяющей две крайности и везде одинаково густо покрытой.

Итак, мужчина и женщина являются как бы двумя субстанциями, которые в самых разнообразных соотношениях распределены на все живые индивидуумы, причем коэффициент каждой субстанции никогда не может быть равен нулю. Можно даже сказать, что в мире опыта нет ни мужчины, ни женщины, а есть только мужественное и женственное. Поэтому индивидуум А или В не следует просто обозначать именем «мужчина» или «женщина», а нужно указать, сколько частей того и другого содержит в себе каждый из них.

В подтверждение этого взгляда можно было бы привести бесконечное число доказательств. Самые общие из них были уже намечены предварительно во введении. Я напомним о «мужчинах» с женским тазом и женскими грудями, со слабой или даже без всякой растительности, с точно оформленной талией, со слишком длинными волосами на голове, далее о «женщинах» с узкими бедрами и плоскими грудями, с плохо развитым *perinasum* (*nates*) и худощавыми бедрами, с низким, грубым голосом и усами (которые гораздо чаще бывают у женщин, чем мы это замечаем, так как им, конечно, не дают расти). Борода, которая растет у женщин после климактерия, сюда не относится и т. д. и т. д. Все эти явления, которые удивительным образом сочетаются, обыкновенно, в одном и том же человеке, хорошо известны и врачу,

и анатому-практику, но до сих пор их рассматривали отдельно и не приводили в общую связь. Но самым решительным доказательством в пользу защищаемого нами взгляда является сильное колебание чисел, выражающих половые различия, что накладывает неизменную печать шаткости на все специальные труды и на всевозможные измерения антропологического и анатомического характера, предпринятые с целью установить подобные различия: числа для женского пола никогда не начинаются там, где кончаются таковые для мужского, а всегда остается некоторая промежуточная сфера, одинаково заполненная как мужчинами, так и женщинами. Эта неустойчивость теории промежуточных половых форм принесла известную долю пользы, но одновременно с этим она нанесла серьезный вред интересам чистой истинной науки. Специалисты-анатомы и антропологи никогда не стремились к научному установлению половых типов, а хотели лишь найти общие, одинаково применимые признаки, но этого им никогда не удавалось, благодаря бесконечному числу всевозможных исключений. Этим объясняется неопределенность и расплывчатость всех относящихся сюда результатов измерения.

Сильным тормозом в успешном развитии этих идей служит общее увлечение статистикой, которым наша промышленная эпоха отличается от всех предыдущих и которым она думает особенно подчеркнуть свою научность (вероятно, в силу родства статистики с математикой). Искали средний уровень, но не тип. Не понимали, что только тип является центральной фигурой в системе чистой (не прикладной) науки. Поэтому существующая морфология и физиология не в состоянии помочь своими изысканиями человеку, занятому отысканием типов. Здесь следует установить новые измерения и предпринять новые более подробные исследования вопроса. Те сведения, которыми мы располагаем в настоящее время, не имеют для науки, в широком, не кантовском только смысле слова – никакого значения.

Самым важным в данном случае является познание М и Ж. точное и верное установление идеального мужчины и идеальной женщины («идеальный» в смысле типичный, без всякой дальнейшей квалификации).

Если нам удастся познать и установить эти типы, тогда уже нетрудно будет применить их к отдельному случаю и изобразить последний в виде некоторого количественного смещения обоих типов, тем самым, этот труд обещает нам богатые результаты.

Я резюмирую содержание этой главы: нет ни одного живого существа, которое можно было бы точно определить с точки зрения одного определенного пола. Действительность скорее обнаруживает некоторое колебание между двумя пунктами, из которых ни один не воплощается целиком в каком-нибудь индивидууме эмпирического мира, но к которым приближается всякий индивидуум. Наука должна поставить себе задачей определить положение единичного существа между этими двумя типами строения. Этим типам не следует приписывать особое метафизическое бытие, находящееся наряду с миром опыта или возвышающееся над ним. К сознанию их неизбежно ведет эвристический мотив возможно совершенного изображения действительности.

Предчувствие этой бисексуальности всех живых существ (как результат неполной дифференцированности полов) относится еще к глубокой древности. Быть может, оно и не чуждо было даже китайским мифам, во всяком случае, оно пользовалось большой известностью в древней Греции. Доказательством служит олицетворение гермафродита в мифическом образе и рассказ Аристофана в платоновском «Пире». И в позднейшее время гностическая секта офитов представляла себе первочеловека андрогином.

Глава II

Arrhenoplasma и thelyplasma

Исследование, которое ставит своей целью всесторонний пересмотр всех относящихся сюда фактов, прежде всего должно удовлетворить естественное ожидание читателя, что он найдет в нем новое и полное описание анатомических и физиологических особенностей половых типов. Но так как я не предпринимал самостоятельных исследований для разрешения этой обширной задачи, что к тому же представляется мне совершенно неважным для конечной цели моей работы, я должен заранее отказаться от этого труда – совершенно независимо от того, по силам ли он одному человеку. Компилятивное же изложение всех выводов, имеющихся в литературе, явилось бы совершенно излишним, так как оно уже прекрасно выполнено Гэвлоком Эллисом. Если попытаться создать половые типы на почве найденных им выводов, путем вероятных умозаключений, то это в лучшем случае приведет нас к гипотетическим положениям, которые ни на йоту не облегчат развитие научной работы. Содержание этой главы носит более формальный, общий характер. Оно направлено на биологические принципы и отчасти хочет обратить внимание будущих исследователей на некоторые отдельные вопросы и этим внести свою лепту в их труд. Читатель, не обладающий биологическими знаниями, может без особенного ущерба для понимания остальной части книги опустить эту главу.

Учение о различных степенях мужественности и женственности было развито выше с чисто анатомической точки зрения. Анатомия же не ограничивается одним только вопросом о формах, в которые выливаются мужественность и женственность. Она интересуется также вопросом о том, в каких местах они особенно резко сказываются. Приведенные примеры половых различий, отражающихся в разных частях тела, привели нас к тому убеждению, что пол не ограничивается исключительно органами оплодотворения и зародышевыми железами. Но где же провести здесь границу? Исчерпывается ли пол одними только «первичными» или «вторичными» половыми признаками? Или сфера его гораздо шире? Иными словами, где находится пол и где его нет?

Масса новых фактов, открытых в последние десятилетия, снова вынуждают нас, по-видимому, принять одну теорию, которая была открыта в сороковых годах XIX столетия, но которая привлекла к себе очень мало сторонников. Дело в том, что следствия, к которым неизбежно приводила эта теория, наталкивали, как ее основателя, так и ее противников, на непримиримые противоречия со всеми выводами научных исследований. Правда, эти противоречия казались неустранимыми не основателю, а противникам ее. В настоящее время опыт вынуждает нас снова обратиться к этой теории, которая в связи с новейшими научными данными должна быть подвергнута некоторым изменениям. Я говорю об учении копенгагенского зоолога Стэнструп, который утверждал, что пол распространен по всему телу.

Эллис собрал многочисленные данные о всех почти тканях организма, обнаруживающие везде черты различия в половом строении. Я хочу напомнить, что типичный мужской и типичный женский цвет лица сильно различаются между собою. Это дает основание предположить, что и в клетках кожи и ее кровяных сосудах обнаруживается известное половое различие. И несомненно они имеются и в количестве кровокрашающего вещества, в числе кровяных шариков в кубическом сантиметре жидкости. Бишоф и Рюдингер установили различия полов относительно мозга, а в новейшее время Юстус и Алис Гауль открыли те же различия и в вегетативных органах (печень, легкие, селезенка). И в самом деле, все в женщине – одно сильнее, другое слабее – действует «эрогенно» на мужчину. В свою очередь все мужское возбуждает и привлекает к себе женщину.

И вот в этом пункте мы можем выставить положение, которое, правда, с формально-логической точки зрения является одной только гипотезой, но которое под влиянием целой массы

подтверждающих ее фактов приобретает почти полную достоверность: каждая клетка организма обладает определенным половым характером, обладает определенным половым оттенком. В соответствии с нашим принципом всеобщности промежуточных половых форм я тут же прибавлю, что этот половой характер может обладать различной степенью интенсивности. Это необходимое допущение различной силы выражения половой характеристики позволяет без особого труда включить в нашу систему также гермафродитизм, как ложный, так и настоящий (существование которого у животных со времен Стэнструпа находится вне всяких подозрений. Относительно человека, пожалуй, приходится еще несколько сомневаться). Стэнstrup говорит: «Если бы пол животного, действительно, ограничивался одними только органами оплодотворения, тогда допустимы были бы два половых механизма, совмещенные в одном животном, существующие рядом друг с другом. Но пол не следует себе представлять в виде чего-то, имеющего своим средоточием определенное место или выражающимся только в определенном механизме. Он сказывается повсюду и развивается во всех точках живого существа. В мужском создании каждая, даже самая незначительная часть – мужская, хотя бы она была очень похожа на соответствующую часть женского существа, в котором, в свою очередь самая ничтожная часть является только женской. Объединение обоих половых механизмов в одном индивидууме только тогда делает его истинно двуполом, когда природа обоих полов господствует в одинаковой степени во всем его теле и обнаруживается в каждом пункте последнего. Но это при существующей противоположности полов равносильно их взаимному уничтожению или исчезновению всяких половых признаков в подобном существе». Если же, поступая сообразно смыслу эмпирических фактов, признать, что принцип бесчисленных переходных половых ступеней между М и Ж следует распространить на все клетки организма, то тогда отпадает то затруднение, с которым столкнулся Стэнstrup, и гермафродитизм не представится уже извращенностью.

Все средние ступени от абсолютной мужественности вплоть до ее полнейшего отсутствия, т. е. до того пункта, где она совпадает с наличностью абсолютной женственности, представляется в виде бесчисленных различных половых характеристик каждой отдельной клетки. Следует ли представить себе эту скалу различий в виде двух реальных связанных друг с другом субстанций или принять единую протоплазму в бесконечно многих видоизменениях атомов в больших молекулах – при решении этого вопроса лучше всего воздержаться от всяких предположений. Первое предположение не применимо физиологически – подумать только, что тогда для каждого мужского или женского телодвижения была бы необходима двойственность в определяющих его условиях, тогда как форма его остается физиологически единой. Второе предположение слишком уж напоминает мало удачные теории наследственности. Оба они, быть может, одинаково далеки от истины.

В наше время даже приблизительно на основании опыта нельзя доказать, в чем собственно состоит мужественность или женственность данной клетки, каково гистологическое, молекулярно-физическое или химическое отличие каждой клетки Ж от клетки М. Не предвещая результатов будущих исследований (а они наверное признают невозможным выводить специфически – биологические явления из физики и химии), мы в праве защищать свое мнение о различной силе половой окраски не только во всем организме, как сумме клеток, но и в самих клетках. Женоподобные мужчины обладают большей частью женственной кожей, и клетки мужских органов отличаются у них слабой способностью к делению, на что непосредственно указывает слабый рост макроскопических половых признаков и т. д.

Деление половых признаков точно так же нужно производить по различной степени макроскопическом выражения половой характеристики. Их назначение, главным образом, связано с силою эротического воздействия на другой пол (по крайней мере в животном царстве). Чтобы не уклоняться от общепринятой номенклатуры Джона Гентера, я называю мужскую и женскую зародышевую железу (*testis, epididymis, ovarium, epiorphoron*) первоосновными половыми при-

знаками. Внутренние придатки зародышевых желез (семенные канатики, семенные пузырьки, tuba uterus, которые, как показал опыт, по своим половым признакам иногда очень отличаются от зародышевых желез) – первичными. И наконец, «внешние половые признаки», по которым при рождении определяется пол человека и даже известным образом предрешается его судьба (часто, как увидим, неправильно). Все другие половые признаки имеют то общее, что они непосредственно не нужны для целей сокоупления. Ко вторичным половым признакам причислим прежде всего те, которые наружно проявляются ко времени половой зрелости и, на основании почти достоверно установленного мнения, не могут развиваться без «внутреннего выделения» определенного вещества из зародышевых желез в кровь (рост бороды у мужчин, женские волосы на голове, развитие груди, перемена голоса и т. д.).

Более из практических, чем из теоретических оснований, обозначим третичными признаками, распознаваемые по внешним проявлениям или действиям, прирожденные свойства, как например мускульная сила и твердость воли у мужчины. Сюда же могут быть присоединены, наконец, случайно приобретенные, благодаря обычаю, привычке или занятию побочные, четверичные половые признаки: курение табака, употребление вина у мужчин и рукоделье у женщин. Эти последние также иногда способны проявлять свое эротическое действие на другой пол и это одно указывает, что гораздо чаще, чем, пожалуй, думают, они легко переходят в третичные, а порой простираются еще глубже и связываются с первоосновными признаками пола. Сама классификация не предрешает порядка половых признаков как таковых, она не устанавливает, первичны ли духовные свойства по сравнению с телесными или обуславливаются последними и выводятся из них путем длинной причинной цепи явлений. Она указывает в большинстве случаев лишь силу притягивающего воздействия на другой пол, то время, когда половые признаки бросаются в глаза, ту отчетливость, с которой они выступают перед глазами другого пола.

Говоря о «вторичных признаках», мы указывали уже на внутреннее выделение зародышевых веществ в общий кругооборот организма. Действие этого выделения, как и отсутствие его, искусственно вызванное кастрацией, изучили прежде всего именно на развитии или на отсталости вторичных половых признаков. Внутреннее же выделение оказывает несомненное влияние на все клетки тела. Это доказывает перемены, происходящие ко времени возмужалости во всем организме, а не только в частях тела с вторичными половыми признаками. Точно так же и выделение всяких желез нужно заранее представлять не иначе, как равномерно распространяющимся на все ткани организма.

Внутреннее выделение зародышевых желез завершает собою пол индивидуума. Поэтому для каждой клетки необходимо принять первоначальную половую характеристику, к которой должно быть присоединено в известной мере выделение зародышевых желез, как завершающее дополнительное условие для того, чтобы развился качественно-определенный, вполне готовый *masculinum* или *femininum*.

Зародышевая железа представляет из себя только орган, в котором половой признак выступает ярче всего; легче всего заметить этот признак в ее морфологическом единстве.

Точно так же необходимо согласиться, что и родовые, видовые и семейные свойства организма лучше всего представлены в зародышевых железах. С другой стороны Стэнструп с полным правом мог утверждать, что пол распространен во всем организме, а не заключен в специфических «половых частях» его. Так же Нэгели, де-Врис, Оскар Гертвиг и другие развили и обосновали важными аргументами теорию, выясняющую весьма многое в этом вопросе, по которой каждая клетка многоклеточного организма является носителем всех видовых свойств, а эти последние с особенной силой соединены в зародышевых клетках. Теория эта будет, со временем, вероятно, для всех исследователей понятна сама собой, в особенности если принять во внимание тот факт, что каждое живое существо происходит из одной клетки, благодаря образованию в ней борозд и ее делению.

Упомянутые исследователи на основании многих фактов, умноженных после этого бесчисленными опытами в области восстановления организма из любой части и установлением химического различия в гонологических (П) тканях разных видов, вполне справедливо приняли существование идиоплазмы, как совокупности специфических видовых свойств, которые не имеют непосредственного значения для размножения. Здесь также могут и должны быть созданы понятия арреноплазмы и телиплазмы, как двух видоизменений, в которых каждая идиоплазма выступает у дифференцированных в половом отношении существ, при чем на основании высказанных уже раньше положений, имеются в виду лишь идеальные случаи, как границы, в которых находится эмпирическая реальность. Действительно существующая протоплазма, удаляясь все более и более от идеальной арреноплазмы, переходит через (реальный или мыслимый) безразличный пункт (*hermaphroditismus verus*) в протоплазму, приближающуюся до самых крайних пределов к телиплазме. Все это – лишь последовательный вывод из всего вышесказанного Я прошу только извинить меня за новую терминологию она изобретена вовсе не для того, чтобы поднять в глазах читателя новизну предмета.

Положение, что каждый отдельный орган и даже каждая отдельная клетка наделены половыми признаками, помещенными на какой-нибудь точке между арреноплазмой и телиплазмой, и что поэтому каждая простая частица с самого начала охарактеризована определенным образом в половом смысле, это положение легко установить из следующего факта: даже в одном и том же организме различные клетки не всегда одинаково наделены половой характеристикой.

Во всех клетках одного тела вовсе нет одинакового содержания М или Ж, одинакового приближения их к арреноплазме или телиплазме клетки одного и того же тела могут даже находиться на различных сторонах нулевой точки, лежащей между этими полюсами. Если мы, вместо того, чтобы говорить постоянно – мужественность, женственность, подберем для них различные знаки и назовем, конечно, без всякой коварной задней мысли, мужское начало положительным, а женское – отрицательным, то вышеуказанное положение можно выразить так: сексуальность различных клеток одного организма не только имеет различную абсолютную величину, но обладает еще и различным знаком [т. е. + или –]. Есть например довольно хорошо развитые *masculina* с плохо растущей бородой и слабой мускулатурой, или почти типичные *feminina* с слабо развитой грудью. С другой стороны бывают совершенно женственные мужчины с сильным ростом бороды и женщины с ненормально короткими волосами, довольно заметной бородкой, но с прекрасно развитой грудью и объемистым тазом. Я знавал людей с женскими бедрами и мужскими голеньями, с женским левым и мужским правым бедром. Вообще симметрия обеих половин тела бывает лишь редких случаях, а большею частью наблюдается в левых и правых частях различие половой характеристики, в степени проявления половых признаков, например в росте бороды здесь постоянно встречаются бесчисленные ассиметрии.

Едва ли однако, как уже было сказано, недостаток в сходстве (а абсолютного сходства половой характеристики не бывает никогда) можно свести к неравномерности внутреннего выделения. Кровь, во всех случаях непатологического характера, должна попадать в органы, правда не в одинаковой массе, хотя в одинаковом составе, причем в таком количестве и качестве, которое бы соответствовало условиям сохранения организма.

Если не принять за причину всех этих вариаций начальной, неизменной с первых же шагов эмбрионального развития и чрезвычайно разнообразной половой характеристики каждой данной клетки, то каждый отдельный индивидуум можно было бы вполне описать в половом отношении, указав на относительное приближение его зародышевых желез к половому типу. Вопрос решался бы тогда гораздо проще, чем это есть в действительности. Однако половые признаки вовсе не распределены по всему организму в воображаемой одинаковой массе, а потому половое определение одной клетки не характеризует всех других. Если значительные отклонения в половой характеристике между разными клетками или органами одного и того же

существа встречаются редко. то все-таки специфичность этой характеристики для каждой отдельной клетки следует признать общим случаем. При этом можно установить, что приближения к полному единообразию половой характеристики (всего тела) бывают гораздо чаще, чем значительные различия отдельных органов, не говоря уже об отдельных клетках. Maximum возможности колебания должен еще быть установлен исследованием для каждого отдельного случая.

Если бы, как это полагает популярное мнение, высказанное еще Аристотелем и поддерживаемое многими врачами и зоологами, кастрация животного превращала бы его – без всякого исключения – в противоположный пол, если бы например, оскопление самца *eo ipso* вполне превращало бы его в самку, тогда вопрос о существовании независимых от зародышевых желез, первоосновных половых признаков каждой клетки, был бы снова спорным. Однако новейшие экспериментальные исследования Зелльгейма и Фогеса показали, что существует тип скопца, совершенно отличный от женщины, что оскопление самца совершенно не тождественно с превращением его в самку. Правда, в этом направлении следует избегать широких радикальных выводов. Нельзя исключать возможности того, что оставшаяся скрытой вторая зародышевая железа другого пола, после устранения или атрофии первой зародышевой железы, овладевает в известной мере колеблющимся в половом отношении организмом. Многочисленные, правда несколько смело объясняемые (в смысле абсолютного допущения мужских признаков) случаи, когда при перерождении в организме женских половых органов ко времени климактерии становятся заметны вторичные мужские половые признаки: борода у «бабушки», короткие шишки на лбу некоторых старых косуль, «петушьё оперение» старых кур и т. д. Впрочем, бывают подобные же изменения и без дегенерации престарелых органов, без удаления их оперативным путем. Их можно установить в качестве вполне нормального развития у некоторых представителей родов *Cymothoa*, *Anilocra Nerocila* у рыбных паразитов, *aselus aquaticus* (водяных осликов), принадлежащих к группе *Cymouhoideae*. Эти животные – гермафродиты совсем особого рода. У них непрерывно и одновременно существуют и мужские, и женские зародышевые железы, хотя они не могут одновременно функционировать. У них замечается род протандрии»: каждый индивидуум функционирует сперва как самец, затем – как самка. Во время своей мужской деятельности они обладают развитыми органами оплодотворения, которые затем отбрасываются, когда развиваются и открываются женские проходные пути и женские органы оплодотворения. Но что точно такие же явления встречаются и у людей, доказывают те удивительные случаи «*eviratio* и «*eflematio*» у взрослых и зрелых мужчин и женщин, о которых рассказывает половая психопатология. Отрицать действительную возможность перехода самца в самку тем более нельзя при условии удаления мужской зародышевой железы. Тем не менее, указанная связь фактов не может быть всеобщей и необходимой, так как оскопление не ставит индивидуума обязательно в число особей противоположного пола, и это служит доказательством, что необходимо принять первичное существование арреноплазмагических и телиплазмагических клеток во всем организме.

Существование первоначальных половых признаков у каждой клетки и бессилие одного выделения зародышевых желез (как определяющего полового признака) доказывается далее совершенной бесплодностью пересадки мужских зародышевых желез на животное женского пола. Правда, для строгой доказательности этих опытов было бы необходимо, чтобы вырезанные яички прививались возможно более родственной женской особи, например сестре оскопированного самца: идиоплазма их не должна быть различной. Здесь, как и везде нужно позаботиться о возможно чистой изоляции условий для того, чтобы получить от опыта однозначный вывод. Опыты, сделанные в венской клинике Хробака, показали, что перемена у двух (выбранных наудачу) самок яичников приводит к атрофии последних, причем вторичные половые признаки неизбежно погибают (например молочные железы) – в то время, как удаление зародышевой железы из ее естественного положения, введение в любое место того же самого животного

(так, что ее собственная ткань сохраняется), в идеальном случае не препятствует развитию вторичных признаков, как будто ничего не было вынута. Неудачи пересадки желез на кастрированные особи того же пола объясняются, вероятно, главным образом недостаточным семейным родством: идиоплазматический момент должен быть поставлен здесь на первое место.

Эти явления напоминают опыты с переливанием (*transfusio*) крови. Практическое правило хирургии гласит, что при замещении потерянной крови кровью другого индивидуума (во избежание тяжелых осложнений) оба индивидуума должны быть не только одного вида и родственной семьи, но и одного пола. Аналогия с опытами пересаживания (*transplantatio*) бросается в глаза. Если защищаемые здесь взгляды подтверждаются опытом, то хирурги, насколько они производят трансфузию, а не ограничиваются введением поваренной соли, должны обратить внимание на то, достаточно ли близкого родства животных при переливании крови. Остается открытым вопросом, было ли бы чрезмерным при этом следующее требование: применять кровь существ, находящихся на возможно близкой ступени мужественности или женственности.

Подобно тому, как условия, наблюдаемые при трансфузии, служат доказательством, что кровяные шарики обладают собственными половыми признаками, точно так же и полная неудача пересаживания (трансплантации) мужских зародышевых желез на самку или наоборот женских на самца, указывает, как уже было упомянуто, что внутреннее выделение действует только на соответствующую ему арреноплазму или телиплазму.

В связи с этим нужно упомянуть еще об органотерапевтических способах лечения. Если пересаживание по возможности неповрежденных цельных зародышевых желез на особи другого пола не приводит ни к каким результатам, то из сказанного выше ясно, почему, например, введение в кровь самца частиц из яичника может причинить ему только вред. Но зато с другой стороны отпадает масса возражений против принципа органотерапии потому именно, что органические препараты различных видов не могут выказать полного действия. Благодаря невниманию к биологическому принципу такой огромной важности, как учение об идиоплазме, врачи, представители органотерапии, упустили, быть может, по своей небрежности немало случаев правильного лечения.

Учение об идиоплазме, приписывающее специфически видовой характер, так же тем тканям и клеткам, которые потеряли возможность к размножению, еще не признано повсюду.

Все же каждый должен согласиться с мнением, что в зародышевых железах собраны видо-вые признаки и что для препаратов из зародышевых желез необходимо возможно меньшее различие полов, но сколько самый метод стремиться дать нечто более ценное, чем простой тонический эффект. Параллельные опыты пересаживания зародышевых желез и введения их экстракта в другие особи были бы, вероятно, очень полезны в данном случае: сравнить, например, влияние пересаженного мужского яичка петуха, вынутого у него самого или другой родственной особи и вставленного в область его промежности, с влиянием интравенозной инъекции, приготовленной из яичка экстракта на другого оскопленного петуха, причем экстракты должны быть взяты от родственных индивидуумов. Такие опыты дали бы, быть может, богатые научные объяснения относительно соответствующего изготовления и количества органических препаратов и единичность впрыскиваний (инъекций). Желательно также установить теоретически, соединяются ли химически внутренние выделения зародышевых желез с материей клетки или их воздействие является только разлагающим, независимым от их массы. Последнее положение еще не может быть установлено на основании сделанных до сих пор исследований. Границы исследования внутреннего выделения на образование окончательного полового характера были приведены для того, чтобы оградить от возражений принятое нами положение врожденной, в общем различной для каждой клетки, но изначально определенной половой характеристики. Если в огромном большинстве случаев и нельзя отличить степени этих характеристик для различных клеток и тканей одного и того же организма, то все же суще-

ствуют исключения, указывающие на возможность больших амплитуд. Точно так же и отдельные яйцевые клетки и сперматозоиды, не только в различных организмах, но и в фолликулах и семени одного и того же индивидуума, показывают в одно и то же время, а еще более в разные периоды времени различия в степени мужественности или женственности. Например, семенные их нити бывают различного строения и различной подвижности. Конечно, до сего времени мы очень мало знаем об этих различиях в виду того, что никто не исследовал этих явлений с подобной точки зрения.

Чрезвычайно интересно, что в ядрах амфибий находили рядом с нормально развитыми ступенями сперматогенеза совершенно правильные и хорошо развитые яйца. И этот факт не однажды был исследован различными учеными. Толкование этой находки, положим, оспаривается: признают лишь прочно установленным существование ненормально больших клеток в семенных каналцах, хотя наличность яиц была позднее безусловно установлена. Во всяком случае, как раз среди указанных амфибий встречаются очень часто гермафродиты. Этот факт все же доказывает необходимость осмотрительно принимать однородность арреноплазмы и телиплазмы в одном организме. К категории такой поспешности принадлежит и тот факт (как будто несколько удаленный от нашей области), что человеческий индивидуум, только благодаря наличности у него при рождении мужского члена, хотя бы и короткого, эписпадического или гипоспадического, даже при двойственном крипторхизме, нарицается мальчиком и без рассуждений рассматривается, как таковой, несмотря на то, что в остальных частях тела, например, в мозговом отношении – он приближается более к телиплазме, чем к арреноплазме. И здесь должны бы еще поучиться различать тонкие степени пола при самом рождении.

Результатом этих немного длинных индукций и дедукций можно считать известную уверенность в существовании первоначальных половых характеристик, которую а priori нельзя представлять себе одинаковой, даже приблизительно одинаковой для всех клеток одного тела. Каждая клетка, каждый комплекс их, каждый орган обладает определенным указателем, определяющим его место между арреноплазмой и телиплазмой. Впрочем, в большинстве случаев достаточно одного признака для всего тела, если нет надобности в большей точности. Но если в каждом отдельном случае серьезно думают ограничиваться таким поверхностным описанием, то это может привести лишь к роковым ошибкам в теории и к тяжелым погрешностям на практике.

Различные ступени первоначальной половой характеристики вместе с изменяющимся внутренним выделением (у отдельных индивидуумов, вероятно, количественно и качественно) и обуславливают существование половых промежуточных форм.

Арреноплазма и телиплазма в их бесчисленных переходах суть микроскопические факторы, создающие вместе с «внутренним выделением» те микроскопические различия, которыми исключительно занималась предыдущая глава.

Из допущения правильности сделанных выводов вытекает необходимость целого ряда анатомических, физиологических и гистологических исследований относительно различий между типами М и Ж в строении и функциях всех единичных органов, о той форме, по которой различаются арреноплазма и телиплазма в различных тканях и органах. Средние данные, какие мы до сих пор имеем, едва ли достаточны для современного статистика. Их научная ценность весьма мала. Если, например, все исследования о половых различиях в мозгу достигли таких незначительных результатов, то это объясняется тем, что никогда не искали типических проявлений, а довольствовались указаниями о принадлежности к тому или другому полу метрическим свидетельством или поверхностным осмотром трупа, так что каждые Иван или Марья считались полноценными представителями мужественности или женственности. Если уж не довольствовались психологическими данными, то следовало бы по крайней мере, так как гармония половых характеристик различных частей тем встречается чаще, чем большие скачки между отдельными органами, установить факты относительно телосложе-

ния остального тела, имеющие значение для определения мужественности и женственности, например, расстояние больших бугров.

Тот же самый источник ошибок – необдуманная постановка половых промежуточных форм, вместо типических индивидуумов, не устранен, впрочем, и в других исследованиях. Эта беспечность может на долгое время задержать приобретение значительных и доказательных результатов. Даже тот, кто, например, наблюдает причины большого числа мальчиков при рождении, не должен упускать из виду этих положений. Пренебрежение к ним даст себя почувствовать в особенности тому, кто занят исследованием проблемы определения полов. Пока он не определит положение между М и Ж каждого существа, служащего объектом его исследования, до тех пор пусть остерегаются доверять его гипотезам, даже его методам. Если он половые промежуточные формы, согласно внешним признакам, как это делают теперь наметит в число мужских или женских рождений, он натолкнется на такие случаи, которые при внимательном рассмотрении будут показывать против него. Он будет рассматривать на самом деле несуществующие случаи, как противоположные инстанции. Без идеального мужчины и идеальной женщины исследователь лишен твердого масштаба, который бы он мог применить к действительности, он ходит ощупью в темноте неизвестных, поверхностных суждений. Мона, например, которому удалось установить экспериментальным путем пол одного из видов *rotatoria* (коловоротки), *Hydatina senta*, насчитал все-таки от 3–5 % уклоняющихся случаев. При низкой температуре ожидается обыкновенно рождение самок, и все-таки появляется указанный процент самцов. При высокой температуре рождалось, против правила, такое же количество самок. Нужно признать, что это были половые промежуточные формы, арреноидные самки при высокой и телиидные самцы при низкой температуре, где проблема является более сложной, например, у быка (не говоря уже о человеке), там процент результатов едва ли будет так велик, и поэтому здесь правильное объяснение вызванных половыми промежуточными формами уклонений гораздо труднее.

Подобно морфологии, физиологии и механики развития весьма желательна также сравнительная патология половых типов. Понятно здесь, как и там, можно извлечь из статистики известные результаты. Если статистика показывает, что известная болезнь гораздо чаще бывает у «женского пола», чем у «мужского», то нужно иметь смелость принять следующее положение: она свойственна, «идиопатична» телиплазме. Так, например, слизистый отек, обусловленный прекращением деятельности щитовидной железы – болезнь Ж. Водянка яичка по природе – болезнь М.

Но даже самые точные статистические цифры не могут предохранить от теоретических ошибок, если относительно характера болезни не будет указано, что она связана с мужественностью или женственностью. Теория указанных болезней должна будет также дать отчет, почему они свойственны одному полу, т. е. (согласно с обоснованным здесь мнением) почему они принадлежат или М или Ж.

Глава III

Законы полового притяжения

У всех дифференцированных в половом отношении живых существ есть, выражаясь старыми понятиями, влечение к сокоуплению между мужчиной и женщиной, самкой и самцом. Но так как мужчина и женщина представляют из себя типы, нигде не существующие в реально чистом виде, то мы не можем теперь сказать, что половое влечение стремится свести любого мужчину с любой женщиной. Моя теория, чтобы быть полной, должна еще дать ответ относительно фактов полового воздействия. Она должна лучше изобразить область рассматриваемых ею явлений с новыми средствами в руках, а не со старыми, тем более, если последние уступают первым. В самом деле, мое мнение, что М и Ж расчленены в различных комбинациях среди всех живых существ, привело меня к открытию еще неизвестного, только раз упомянутого одним философом естественного закона, закона полового притяжения. Найти его мне помогли наблюдения над человеком, а потому я и начну с него.

Каждый человек обладает определенным одному ему свойственным «вкусом» в отношении к другому полу. Если сравнить, например, портреты женщин, которых любил исторически знаменитый человек (факт этот, конечно, должен быть, вполне достоверным), то мы почти всегда найдем, что они приблизительно похожи друг на друга. Это сказывается внешним образом в фигуре (в узком смысле – в росте), в их лицах и даже, если взглядеться ближе, в самых мельчайших чертах – *ad unguem* (до ногтя). Совершенно то же самое можно сказать о всех людях. Вот почему понятно явление, что каждая девушка, которая сильно привлекает мужчину, вызывает в нем воспоминание о других девушках, действовавших на него подобным же образом. У каждого человека есть много знакомых, вкус которых к другому полу вызывал в нем восклицания: «не понимаю, как она может им нравиться!» Множество фактов, устанавливающих, без сомнения, для всякого отдельного существа (даже у животных) определенный особенный «вкус», собрано Дарвином в его «Происхождении человека». Ниже мы укажем, что такая же аналогия к факту определенной полового вкуса ясно выражена даже у растений.

Половое притяжение, как и закон всемирного тяготения почти без исключения взаимно. Где в этом правиле оказываются исключения, там всегда можно указать моменты, которые препятствуют непосредственному, всегда почти обоюдному проявлению полового вкуса или же вызывают желание, когда первое непосредственное впечатление отсутствует.

И в обыденной речи говорят о «суженом» или что «люди не подходят друг к другу».

Тут сказывается слабое предчувствие того факта, что в каждом человеке заложены известные свойства, для которых не является безусловно безразличным, какой индивидуум другого пола вступает с ним в половое общение. Так что не каждый «мужчина» может заменить другого «мужчину», не каждая «женщина» – всякую другую «женщину» так чтобы не было никакой разницы в половом чувстве.

Каждый человек знает по собственному опыту, что известные лица другого пола производят на него отталкивающее впечатление, другие для него безразличны, а третьи его привлекают, наконец (правда, не всегда), ему встречается индивидуум, соединиться с которым составляет его страстное желание, так что весь мир теряет в его глазах цену и исчезает. Какой же это индивидуум? Какими свойствами он должен обладать? Если действительно, а это так и есть, каждому типу мужчины соответствует женский тип, действующий на него возбуждающе, и наоборот, то, очевидно, здесь должен действовать определенный закон. Какой это закон? Как он выражается?

«Противоположности сходятся» – такую формулировку я слышал, когда, имея уже свой собственный ответ на вопрос, добивался у разных людей, чтобы они высказали свое мнение, помогая им примерами возвыситься до абстрактного суждения. В известном смысле

и для некоторых немногих случаев это вполне справедливо. Но такое определение слишком уж широко. Оно уплывает между пальцами, которые хотят охватить нечто более осязательное. Оно не допускает затем математической формулировки.

Моя книга не пытается открыть все законы полового притяжения (а их несколько), она не претендует на то, чтобы дать каждому определенные сведения о той особи другого пола, которая бы вполне соответствовала его вкусу. Такое требование может осуществить лишь совершенное знание всех относящихся сюда законов. Эта глава будет рассматривать лишь один из них, так как он находится в органической связи с остальными выводами книги. Я напал на след целого ряда дальнейших законов, но этот первый, на который я обратил внимание, и то, что я могу о нем сказать, сравнительно разработано. Пусть снисходительно отнесутся к недостаточной полноте доказательств, оправдываемой новизной и трудностью вопроса.

Факты, на основании которых я открыл первоначально закон полового сродства и большое количество других, его подтверждающих, я приводить здесь не буду: к счастью, это является в известном смысле излишним. Я прошу каждого проверить закон сначала на самом себе, а затем присмотреться к нему в кругу своих знакомых. Особенно я рекомендую обратить внимание на те случаи, когда вашего вкуса не понимают, даже отказывают вам во всяком вкусе, или когда-то же самое случается с вами по отношению к другим. Каждый человек обладает тем минимумом знания внешних форм человеческого тела, который необходим для такой проверки.

Я сам указанным путем открыл закон, который я сейчас и формулирую.

Закон гласит: «Для полового соединения всегда сходятся совершенный мужчина (М) и совершенная женщина (Ж), хотя и расчлененные в каждом отдельном случае на два различных индивидуума в разнообразных сочетаниях».

Иначе выражаясь. Если Мм обозначим все мужское, а Жм все женское какого-нибудь индивидуума м, в просторечии называемого «мужчиной», а через Жж – женское, Мж – мужское в известном субъекте ж, в просторечии называемого «женщиной», то каждое совершенное сродство, т. е. случай самого сильного полового притяжения, выражается в следующей формуле:

$$(1a) \text{ Мм+Мж} = \text{С1} = \text{М} = \text{идеальному мужчине,}$$

точно так же:

$$(1b) \text{ Жм+Жж} = \text{С2} = \text{Ж} = \text{идеальной женщине.}$$

Не следует превратно понимать этой формулировки. Это один случай, одно единственное половое отношение, для которого обе формулы одинаково важны. Из них вторая непосредственно вытекает из первой и не вносит в нее ничего нового, ведь мы предполагаем, что у каждого индивидуума столько женского элемента, сколько не достает в нем мужского. Цельное мужское нуждается в цельном женском и наоборот. А если индивидуум имеет определенную большую часть мужественности и, хотя бы малую (которой однако не следует пренебрегать) долю женственности, тогда нужно, чтобы другой индивидуум дополнил недостающую для всего целого долю мужественности. Также пополняется в одно время и его женская часть.

Какой-нибудь индивидуум имеет например:

$$\frac{3}{4} \text{ М. м} - \text{стало быть } \frac{1}{4} \text{ Ж.}$$

Тогда лучшим его половым дополнением, на основании этого закона, будет такой индивидуум Ж, который определяется в половом отношении следующим образом:

$$\frac{1}{4} \text{ М. ж} - \text{и стало быть } \frac{3}{4} \text{ Ж.}$$

Уже в этих формулах обнаруживается ценность большей всеобщности теории по сравнению с обычными взглядами. Что мужчина и женщина, как половые типы, привлекают друг друга.

Всякий согласится с фактом определенного полового вкуса, но этим уже не признается правомерность вопроса о законах вкуса, о функциональной связи между половым предпочтением и другими физическими и психическими свойствами отдельного существа. Приведенный здесь закон не имеет сам по себе ничего невероятного: ему нисколько не противоречит ни повседневный, ни научный опыт. Конечно, он не может быть чем-то «само собой понятным». Закон, так как он не выведен из опыта, а создан путем умозаключений, можно бы было представить следующим образом:

$$M_m - M_j = \text{Const}$$

Т. е. разность, а не сумма содержания M , представляет постоянную величину. Самый мужественный мужчина отстоял бы тогда настолько же далеко от своего дополнения, расположенного как раз посередине между M и J , как и женственный мужчина от своего дополнения, которое в этом случае является крайней женственностью. Как мы сказали, это только мыслимо, но не осуществимо в действительности. Если мы последуем научному завету скромности, в сознании, что пред нами эмпирический закон, то мы не будем говорить заранее о силе, которая толкает двух индивидуумов, как двух игрушечных плясунов, друг к другу, а увидим в этом законе лишь выражение отношений, наблюдаемых в одинаковой форме в каждом сильном половом притяжении. Он может показать в данном случае постоянно одинаковую сумму мужественности или женственности в обоих притягивающих друг друга существах.

Не следует при этом обращать внимания на «этический» момент – момент красоты. Как часто случается, что один человек совершенно восхищен какой-нибудь женщиной, без ума от ее «необыкновенной», «обольстительной» красоты, а другой в то же время «очень бы хотел знать, что можно в ней найти», так как она не представляет его полового дополнения. Не становясь здесь на точку зрения нормативной эстетики и не собирая примеров относительности такой оценки, можно однако сказать, что влюбленные находят иногда прекрасным не только безразличное с эстетической точки зрения, а прямо некрасивое, причем под «чисто-эстетическим» понимается не абсолютно прекрасное, а просто прекрасное, т. е. то, что нам эстетически нравится, помимо всех половых апперцепций.

Сам закон подтверждается многими сотнями фактов (называю самое малое число), и все исключения из него являются кажущимися. Почти каждая любовная парочка, которую встречаешь на улице, дает этому новое доказательство. Исключения были бы тем более поучительны, что они усиливали бы следы других законов и побуждали бы к их исследованию. Впрочем, я сам произвел много опытов следующим образом: у меня была коллекция фотографий безусловно чисто красивых эстетически женщин, с определенным содержанием в каждой J , и вот я проводил анкетирование, показывая карточки ряду знакомых и прося их указать «самую красивую», как я говорил. Ответ, полученный мною, был с неизменной правильностью тот самый, которого я ожидал. Других, которые знали, зачем я это делаю, я просил испытывать меня таким образом: они показывали мне портреты и я должен был найти ту женщину, которая нравилась им больше всего. Это удавалось мне всегда. Третьим я описывал их идеал другого пола с близкой к действительности точностью, хотя не получал от них раньше даже произвольных указаний, часто описывал точнее, чем они сами могли это сделать. Иногда люди впервые обращали внимание на то, что им не нравится, лишь после того, как я им это указывал, а в общем, человек скорее узнает то, что ему не нравится, чем то, что привлекает.

Я думаю, что читатель при некотором упражнении скоро достигнет такого же совершенства. Этого очень скоро достигли некоторые мои знакомые из тесного дружеского научного кружка, которые поинтересовались представленными здесь идеями. Конечно, для этого жела-

тельно бы было знать еще и другие законы полового притяжения. Масса отдельных постоянных величин указывает на существующее отношение половых дополнений. Можно бы было иронически формулировать тот закон природы, что сумма длины волос двух влюбленных равна постоянной величине. Впрочем, уже из найденных во второй главе оснований это попадает не всегда, так как не все органы одного и того же человеческого существа одинаково мужественны или женственны. Кроме того, эти правила скоро бы размножились и затем скоро сошли бы до степени плоских острот, почему я и хочу воздержаться здесь от их упоминания.

Я не скрываю от себя, что способ, которым я вывел здесь этот закон, несколько догматичен, и это особенно плохо для него при отсутствии точных обоснований. Но и здесь меня в меньшей степени интересует выступление с готовыми результатами, чем указание способа их достижения, тем более, что средства, которые были у меня для точного испытания указанного принципа по естественнонаучному методу, оказались крайне ограниченными. Итак, если в частностях остается много неопределенного, то в дальнейшем я все-таки надеюсь, указав на удивительные аналогии, до сих пор еще не наблюдаемые, скрепить между собой балки научного здания: без этого «обратно действующего укрепления» не могут, по всей вероятности, обойтись даже принципы аналитической механики.

Бросающееся в глаза подтверждение получает выведенный закон, благодаря фактам из царства растений, которые до сего времени рассматривались совершенно изолированно, которым поэтому приписывался характер особенной редкости.

Каждый ботаник догадается, что я говорю об открытых Персоном, впервые описанных Дарвином и названных Гильдебрандом явлениях разнопестичности и гетеростилии. Оно состоит в следующем: многие виды двудольных (и некоторых однодольных) растений, например, *primulaceae*, *geraniaceae*, а в особенности многие *tubiaceae*, растения, у которых в цветах функционируют, как цветочная пыль, так и рыльце, но лишь для продуктов других цветов. Они являются, следовательно, андрогинами (гермафродитами) в морфологическом смысле, но однополыми в физиологическом – все они обладают той особенностью, что их рыльце и пыльники на разных индивидуумах развиваются до различной высоты. Один экземпляр образует исключительно цветы с длинным пестиком, высокостоящим рыльцем и низкими пыльниками. Это, по моему мнению – женский экземпляр. Другой, напротив, производит лишь цветы с глубокозасевшим рыльцем и высокими пыльниками (благодаря длинным тычиночным нитям), это – мужской экземпляр. Рядом с этими «диморфными» видами существуют еще «триморфные», например: *lithrum salicaria* с тройными различными по длине половыми органами, кроме формы цветов с длинными и короткими пестиками встречаются здесь еще «лизостильные» цветы, т. е. с средними пестиками и, хотя в учебниках помещают обыкновенно только диморфную и триморфную гетеростилию, однако этим не исчерпывается все многообразие. Дарвин замечает, что «если принять во внимание малейшие различия, то следует отличать пять разных положений мужских органов». И здесь, стало быть, несомненно существующая непрерывность, деление различных ступеней мужественности и женственности на отдельные этажи не составляет общего правила, но и в этих случаях мы имеем кое-где постепенные переходы половых промежуточных форм. С другой стороны есть поразительные аналогии явлений этой слабо исследованной области в животном царстве, где эти явления так же раздроблялись и считались особенно удивительными вследствие того, что забывали о гетеростилии. У многих родов насекомых, именно у *forficulidae* (уховертки) и *lamellicorniae* (у *lucanus cervus*, у оленя-рогача, у *dynastes hercules* и *xylotrupes gideon*) встречаются с одной стороны самцы, у которых их вторичный половой признак, ясно отличающий их от самок, рожки развиты до значительной длины, а у другой главной группы самцов рожки развиты относительно, мало. Бэтсон, от которого исходит подробное описание этих явлений, различает поэтому «high males» и «low males», правда, эти два типа связаны друг с другом непрерывными переходами, но промежуточные ступени у них редки, и большинство экземпляров приближа-

ется к той или иной половой границе. К сожалению, Бэтсон не занимался вопросом о половых отношениях обеих групп к самкам, так как он приводит эти случаи, как примеры вариаций с отсутствием непрерывности. Поэтому остается неизвестным, есть ли так же среди самок две группы подобного рода, которые обладают различным половым сродством с разными формами самцов. Поэтому указанные наблюдения применимы только, как морфологические параллели к гетеростилии, а не как физиологические доводы для закона полового притяжения, для подтверждения которого гетеростилии являются действительно весьма ценными.

Ведь, может быть, гетеростильные растения являются полным подтверждением мнения об общей ценности приведенной формулы для всех живых существ. Дарвин указал, а после этого многие исследователи констатировали подобным же образом, что у гетеростильных растений оплодотворение тогда лишь имеет надежду на успех, а иногда и вообще возможно, когда только оплодотворяющая пыльца макростильного цветка, т. е. цветка с низкими пыльниками, перенесена на микростильное рыльце другой особи, которая может иметь при этом длинные тычиночные нити, или когда пыльца из высоких пыльников микростильного цветка попадает на микростильное рыльце (с короткими тычиночными нитями) другого растения. Итак, чем длиннее на цветке пестик, т. е. чем лучше развит в нем женский орган, тем длиннее должен быть мужской орган, тычинка, в другом цветке, с которым оплодотворение должно иметь успех, и тем короче пестик, длина которого выражает степень женственности. Где есть тройные размеры пестика, там оплодотворение, по тому же правилу, может произойти лучше всего тогда, когда цветочная пыльца переносится на рыльце, которое по высоте соответствует пыльнику другого цветка. Если не придерживаться этого правила, а производить искусственное оплодотворение с несоответствующей пылью, то получаются (когда подобная процедура вообще принесет какие-нибудь результаты) почти всегда только больные, жалкие, карликовые и чрезвычайно неплодородные отпрыски, подобные гибридам различных видов.

У авторов, писавших о гетеростилии, всюду заметно, что они не удовлетворяются обычным объяснением этих разнообразных отношений при оплодотворении. Это объяснение говорит, что насекомые, посещающие растения, касаются одинаково высоко стоящих половых органов одними и теми же частями тела, и тем вызывают этот удивительный эффект. Однако сам Дарвин сознался, что пчелы носят на себе все виды пыльцы на каждой части тела. Таким образом, способ действия женских органов при оплодотворении пыльцами двух или трех родов остается, как и раньше, не выясненным. Как ни привлекательны, как ни волшебны подобные объяснения, все-таки они немного поверхностны, ведь если ими можно все объяснить, то почему искусственное опыление несоответствующей пылью, так называемое «незаконное оплодотворение», приводит к таким плохим результатам? Значит, лишь исключительное соприкосновение с «законной» пылью должно бы было создать у рыльца привычку к восприятию только этой пыльцы, но я могу привести самого Дарвина в свидетели, указывающего, что несоприкосновение с другого рода пылью – совершенная иллюзия, так как насекомые, служащие при этом как бы брачными посредниками, в действительности способствуют безразличному скрещиванию.

Поэтому кажется гораздо более вероятной гипотеза, что основание этого особенного избирательного свойства глубже и заложено в самих цветках. Здесь, может быть, дело обстоит так же, как и у человека, т. е. что половое притяжение сильнее всего в тех случаях, когда у одного индивидуума столько же М, сколько у другого Ж, что опять-таки является лишь другим выражением предыдущей формулы. Возможность такого объяснения особенно увеличивается еще тем, что в мужских, короткопестичных цветках с высокостоящими тычинками цветочная пыльца всегда крупнее, а сосочки рыльца меньше, чем в гомологических частях длиннопестичного, более женственного цветка.

Из этого видно, что здесь едва ли идет дело о чем-нибудь другом, как о различных степенях мужественности и женственности. Этой гипотезой блестяще подтверждается выстав-

ленный здесь закон полового сродства, так как именно в животном и растительном царствах, (к этому мы еще вернемся позднее), оплодотворение успешнее всего там, где родители находятся в большом половом родстве друг с другом.

Большая вероятность огромного значения этого закона и в животном царстве будет указана при исследовании «обратного полового влечения». Здесь я хочу обратить лишь внимание пока на то, насколько интересны были бы исследования, не оказывают ли более сильного привлекающего действия большие, мало подвижные яйцевые клетки на более живые и тонкие сперматозоиды, в то время как мелкие, богатые желтком и не столь косные яйца привлекают более медлительных и объемистых зоосперм. Быть может, здесь в самом деле сказывается, как предполагает Л. Вейль в небольшом исследовании об определяющих пол факторах, соотношение между величинами движения или кинетической энергии двух конъюгирующих клеток. До сих пор ни разу не было установлено, правда, установить это очень трудно, оказывают ли друг на друга обе слившиеся клетки при вычете того влияния, которое оказывает трение и течение в жидкой среде, ускоряющее движение, или же двигаются с прежней скоростью. Тут нужно бы было поставить и еще некоторые другие вопросы.

Как уже раньше было указано, приведенный закон полового притяжения у людей (и, вероятно, так же у животных) не единичен. Если бы это было так, то казалось бы тогда совершенно непонятным, почему же не могли его до сих пор открыть. Именно потому, что здесь играют роль многие другие факторы, и что число законов должно быть значительно пополнено. Вот почему так редки случаи неудержимого полового притяжения. Я не буду здесь говорить об этих законах, так как относящиеся сюда исследования еще не закончены, а просто укажу ради иллюстрации на один дальнейший фактор, не легко поддающийся математической обработке.

Явления, на которые я укажу, в отдельности достаточно известны. В молодости, не старше 20 лет, мужчину привлекают обыкновенно женщины значительно старше его, не моложе 35 лет. По мере возмужания он начинает любить более молодых. Точно так же (взаимность!) молодые девушки-подростки предпочитают зрелых мужчин юношам, чтобы позднее нередко изменять мужьям с мальчишками. Все эти явления должны корениться глубже, чем они выглядят в той анекдотической форме, которую им придают.

Хотя настоящая работа должна по необходимости ограничиться одним законом, однако в интересах истины попытаемся дать ей лучшую математическую формулировку, не допускающую никаких ложных упрощений. Не приводя даже всех играющих здесь роль факторов и находящихся под сомнением законов, как самостоятельных величин, мы достигнем большей точности применением фактора пропорциональности.

Первая формула была лишь «экономическим» выяснением всех однородных случаев полового притяжения идеальной силы, поскольку половое отношение вообще может быть этим законом определено. Теперь мы хотим дать выражение для силы полового сродства в каждом воображаемом случае, выражение, которое, впрочем, благодаря своей неопределенной форме могло бы передать в то же время самое общее описание отношений двух существ, даже разных видов одного и того же пола.

Сила их взаимного притяжения выражается так:

$$K A = - x f(t). \dots\dots (II)$$

где $f(t)$ обозначает какую-нибудь эмпирическую или аналитическую функцию времени, во время которой индивидуумы могут действовать друг на друга, «время реакции», как мы его назовем. K – есть тот фактор пропорциональности, в который мы вкладываем все известные и неизвестные законы полового сродства, который кроме того зависит от степени видового, расового и фамильного родства, а также от здоровья и отсутствия повреждений у обоих инди-

видуумов, который, наконец, становится меньше при большем удалении их друг от друга и, стало быть, устанавливается особо для каждого данного случая.

В новелле Линкеиса «В почтовой карете» половое притяжение, как стихийная могучая сила, изображено с наводящим ужас мастерством. Половое притяжение точно так же обусловлено законами природы, как рост корня к центру земли или движение бактерий к кислороду на краях штюфтика в микроскопе. Правда, к такому взгляду нужно еще привыкнуть. Впрочем, я сейчас вернусь к этому пункту.

Если $a - b$ достигает своего максимального значения

$$\lim(a - b) = \text{Max} = 1,$$

то $\lim A = k f(t)$. Здесь выражены, стало быть, как в некотором определенном случае, все симпатии и антипатии отношений между людьми вообще (они не имеют, однако, никакого дела до социальных отношений в узком смысле, как конститутивными для общественного правопорядка), поскольку они не обоснованы на нашем законе полового сродства. В то время как k в общем вырастает пропорционально силе родственных отношений, величина A , например, между единомышленниками гораздо больше, чем между чуждыми национальностями. Как $f(t)$ удерживает здесь свое значение, можно это наблюдать на отношениях двух живущих вместе домашних животных разных видов: первое движение часто непримиримая вражда, часто взаимная боязнь (A получает здесь отрицательный знак), позднее на их место выступают самые дружеские отношения, так что они ищут друг друга.

Так как в уголовных законах параграф о содомии должен опираться на какие-нибудь реальные факты, так как половые акты наблюдались даже между человеком и курицей, то из этого видно, что k в широких границах остается больше нуля. Мы не можем таким образом ограничить двух исследуемых индивидуумов не только одним и тем же видом, но даже одинаковым классом.

Что всякая встреча мужского и женского организмов не есть дело случая, а подлежит власти определенных законов – совершенно новый взгляд, и то чуждое в нем, на что уже раньше указывалось, принуждает к исследованию глубокого вопроса о полной тайны природе полового притяжения. Известные опыты Вильгельма Пфедфера показали, что сперматозоиды различных тайнобрачных растений привлекаются не только женскими архегониями *in natura*, но также и веществами, которые при естественных условиях либо действительно выделяются последними, либо изготавливаются искусственно, часто даже такими веществами, с которыми семенные нити могут вступать только в экспериментальных условиях, так как в природе их вовсе не существует, а только при возможности научных опытов.

Так, сперматозоиды папоротников привлекаются извлеченной из архегоний яблочной кислотой, а также и синтетически составленной яблочной кислотой и даже мелеиновой кислотой. Сперматозоиды листовых мхов – тростниковым сахаром. На сперматозоид, как, это нам не известно, влияют различия в концентрации раствора. Он двигается по направлению к более сильной концентрации. Пфедфер назвал эти движения «хемотактическими» и для всех этих явлений, как и для других случаев бесполовых движений, создал понятие «хемотропизма». Многого говорит за то, что то притяжение, которое оказывает самка у животных на самца, заметившего ее издали при помощи органов чувств, нужно рассматривать в известных пунктах, как аналогичное хемотропизму.

Весьма вероятно, что этот хемотропизм есть причина тех энергичных и упорных движений, которые производят семенные нити млекопитающихся, попав в тело самки. Движения эти направлены изнутри против шейки матки к мерцающим ресничкам слизистой оболочки. Целыми днями они продолжают двигаться без всякой внешней поддержки. С невероятной, почти загадочной правильностью сперматозоид находит вопреки всем механическим и иным препятствиям яйцевую клетку. Это очень напоминает невероятные странствования некоторых

рыб. Например, семга многие месяцы бродит, не принимая пищи, от моря до истоков Рейна, где и находит безопасное, богатое пищей место для метания икры.

Вспомним с другой стороны превосходное описание Фалькенберга, излагающее процесс оплодотворения у некоторых высших водорослей Средиземного моря. Мы говорим, например, о линиях силы, соединяющей два противоположных магнитных полюса. Такую же силу природы наблюдаем мы и в неудержимом влечении сперматозоида к яйцу. Вся разница в том, что движения мертвой материи могут изменяться от состояния напряженности окружающей среды, тогда как силы живой материи локализованы в самих органах, как истинных центрах силы. По наблюдениям Фалькенберга сперматозоиды во время движения к яйцу преодолевают даже силу, обычно влекущую их к свету. Стало быть, хемотактическое воздействие, т. е. половое влечение, оказывается сильнее фототактического.

Когда вступают в связь два мало соответствующих нашей формуле индивидуума, а затем позднее появляется третий, дополняющий одного из них, то сейчас же с закономерной необходимостью возникает стремление покинуть прежнюю вынужденную связь. В заключение нарушение брака. Оно является стихийным, необходимым так же, как при химических соединениях: в FeSO_4 , при соединении с 2KOH ионы SO_4 покидают ионы Fe и переходят к ионам K . Если бы кто-нибудь захотел оценить эти природные явления с моральной точки зрения, то тот показался бы очень смешным.

Это – основная идея «Wahlverwandschaften» Гете, развитая в IV главе 1-й части, как игривая прелюдия, полна неожиданного смысла, развитая теми, кому предстоит испытать на самих себе ее глубокую детальную справедливость. Мое исследование может гордиться тем, что оно вновь рассматривает эту идею. Однако, я не имею в виду защищать (также, как и Гете) нарушение брака, а просто сделать его более понятным. У человека есть, правда, мотивы, заставляющие успешно бороться со стремлением нарушить брачные узы. Но об этом речь будет идти во второй части книги. Половая сфера человека не так строго связана с законами природы, как у остальных организмов. Это видно из того, что человек сексуален во все времена года, и пережитки особого весеннего полового возбуждения в нем гораздо меньше, чем даже у домашних животных.

Закон полового сродства представляет еще много аналогий с одним известным законом теоретической химии, правда, при наличии больших отклонений. Он аналогичен явлениям, связанным с «законом влияния масс». Например, более сильные кислоты предпочтительно соединяются с более сильными «основами», как более мужественный индивидуум с более женственным. Здесь возникает, впрочем, нечто гораздо большее, чем *Novum* по сравнению с мертвым химизмом. Живой организм не есть гомогенная, изотропная, делимая на бесконечное много одинаковых частей субстанция: «*principium individuationis*» (принцип индивидуализма), т. е. факт, что все живое живет как индивидуум, указывает на необходимость определенного строения организма. Здесь не может большая часть вступать в одно соединение, а меньшая в другое, образуя побочный продукт. Хемотропизм далее может быть и отрицательным. Начиная с известной величины разности $a - b$, мы получаем отрицательное, обратное влечение, иначе говоря, половое отталкивание.

Правда, и в мертвом химизме такая же реакция может последовать с различной быстротой. Но никогда, по крайней мере, судя по новейшим взглядам, нельзя вызвать при помощи катализа в долгий или короткий промежуток времени одну и ту же реакцию вместо ее полного отсутствия (в нашем случае, так сказать, противоположную реакцию). Напротив, известное соединение, образующееся при определенной температуре, может разлагаться с ее повышением, и наоборот. И если управление реакции является функцией температуры, то у живых организмов оно часто – функция времени.

В значении фактора t , т. е. «времени реакции», и заключается последняя аналогия между половым притяжением и химизмом, если вообще возможны такие сравнения. И здесь можно

представить формулу скоростей реакции, различные степени той быстроты, с которой развивается половая реакция между двумя индивидуумами, и попробовать дифференцирование A по t . Никто, однако, не должен унижать «великолепие математики» (Кант) бесполезным хвастовством: вводить дифференцирование в столь сложные и запутанные отношения, где постоянство функций – вопрос спорный. Итак, вполне ясно, что я хочу сказать: чувственное влечение двух организмов, долго находящихся вместе или, лучше выражаясь, вместе запертых, может развиваться даже там, где сначала было отвращение, – подобно химическому процессу, который требует много времени, пока наличность его станет заметной. На этом основании покоится отчасти то утешение, которое дается людям, вступающим в брак без любви: «стерпится – слюбится»!

Ясно, что нельзя придавать большой ценности аналогиям полового сродства с мертвым химизмом. Подобные наблюдения, однако, кажется мне, многое выясняют. Остается еще нерешенным вопрос, следует ли причислить половое притяжение к разряду тропизмов. Если бы даже это было прочно установлено для полового чувства, то по отношению к эротике решение было бы искусственным. Явление любви нуждается еще в другом толковании, которое и будет дано ему во второй части. Тем не менее существует несомненная аналогия между формами страстного влечения людей и хемотропизмом. Я опять сошлюсь на описание отношений между Эдуардом и Оттилией в гетевских «Wahlvrgwandschaften».

С названием этого романа уже было связано несколько замечаний о проблеме брака. Некоторые необходимые практические выводы из теоретической части этой главы связаны также с указанной проблемой. Приведенный закон полового притяжения, а ему подобны, по видимому, и некоторые другие, учит, что в виду существования бесчисленного количества половых промежуточных форм, могут быть две такие особи которые лучше всего подходят друг к другу. С этой биологической точки зрения следует оправдать брак и отвергнуть «свободную любовь». Правда, вопрос о моногамии осложняется опять еще другими отношениями, какова например, периодичность (о ней будет упомянуто ниже), а также уже указанным исследованием вкуса по мере возмужалости. Таким образом простота решения этого вопроса, опять уменьшается.

Но получится другой вывод, если вспомнить о гетеростилии, в особенности о том факте, что из «незаконного оплодотворения» рождаются почти исключительно мало способные к развитию зародыши. Это заставляет предполагать, что у других существ самое крепкое и здоровое потомство рождается от тех связей, где наблюдается самое сильное обоюдное половое влечение. Народ издавна отметил «детей любви», он думает, что из них выходят более красивые и лучшие люди. В виду этого даже тот, кто не считает себя призванным быть рассадником человечества, не может сочувствовать, хотя бы из гигиенических соображений, чисто денежному браку, значительно отличающемуся от брака по рассудку.

Изучение законов полового влечения могло бы оказать заметное влияние на разведение домашних животных. Следовало бы вторичным половым признакам и степени их развития у обоих случаев животных уделять больше внимания, чем это делали до сих пор. Искусственные образцы действия, применяемые для того, чтобы случить самку с самцом, когда она ему не нравится, достигают конечно своей цели, но они в общем всегда сопровождаются дурными последствиями. Невероятная нервность, полученных от подставных кобыл, жеребцов, которых, подобно современному юноше, приходится кормить бромом и другими медикаментами, в последнем счете, наверное, противоречит этому закону. Подобно тому, как в физической дегенерации современного еврейства не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что у евреев гораздо чаще, чем где-либо на свете, браки заключаются не по любви, а через посредников.

Дарвин в своих фундаментальных работах установил путем обширных опытов и наблюдений, а это теперь уже признано всеми, что, как родственные индивидуумы, так и слиш-

ком несходные между собой по своим видовым признакам, менее привлекают друг друга, чем индивидуумы «незначительно различные», и что если дело все-таки коснется оплодотворения, то семя или умирает в первых же стадиях развития, или же развивается в слабый, в большинстве случаев не способный к размножению индивидуум. Как и у гетеростильных растений «законное оплодотворение» приносит семена многочисленнее и лучше, чем всякие иные комбинации.

Итак, лучше всего развиваются те зародыши, родители которых оказали большее половое сродство. Из этого общеприменимого правила вытекает справедливость сделанного вывода: когда вступают в брак и рожают детей, то последние не должны быть, по крайней мере, плодом преодоленного полового отвращения, ибо оно не может не отразиться на духовной и физической организации ребенка. Конечно, большую часть бесплодных браков составляют браки без любви. Старый опыт относится также к этой области. Он говорит, что надежды на потомство повышаются, когда возбуждение при половом акте велико. Это особенно становится понятным, если вспомнить, что у двух дополняющих друг друга индивидуумов половое влечение с самого начала более интенсивно.

Глава IV

Гомосексуальность и педерастия

Приведенный закон полового притяжения содержит в себе давно искомую теорию половых противоположных ощущений, т. е. половой склонности не только к другому, но и собственному полу. Можно смело утверждать, оставив в стороне одно различие (о нем будет речь ниже), что каждый, имеющий противоположную половую склонность, обнаруживает несомненные анатомические признаки другого пола. Нет чистых «психически-половых» гермафродитов. Мужчины, чувствующие половое влечение к собственному полу, по своей внешней структуре женственны. Точно также и женщины, у которых чувственность направлена другим женщинам, обнаруживают физические мужские признаки. Утверждение это само собой понятно с точки зрения параллелизма между явлениями психики и физики, однако применение его требует внимания к фактам, упомянутым во II главе. Именно: не все части одного организма занимают равное положение между М и Ж. Различные органы могут быть в равной степени или мужественны или женственны. Словом, у индивидуума с обратным половым влечением всегда есть известная анатомическая близость к другому полу.

Сказанном достаточно, чтобы опровергнуть мнение, рассматривающее противоположную половую склонность как свойство, приобретенное известным индивидуумом в течение его жизни и подавившее нормальное половое чувство. Между тем, даже некоторые такие известные исследователи, как Шренк-Нотцинг, Крэпелин, Фере, верят, что оно приобретает посредством внешних толчков индивидуальной жизни. Внешними же толчками они считают воздержание от «нормального» полового общения и особенно «совращение». Что же тогда было с первым совратителем? Или его научил бог Гермафродит? Подобное мнение всегда похоже на то, как если бы кто-нибудь стал доказывать, что «нормальная» половая склонность типичного мужчины к типичной женщине тоже приобретена искусственно, что она плод наущений старших товарищей, как-то случайно открывших привлекательность половых сношений. У лиц с «противоположным» половым влечением, пользующихся в данном случае особыми собственными пола, оно проявляется само по себе в течение их индивидуальной жизни, благодаря тем онтогенетическим процессам, которые неизменно продолжают действовать всю жизнь такое «извращенное» влечение проявляется совершенно так же, как и у «нормальных» людей проявляется сознание, «что такое женщина». Само собой разумеется, что в жизни всегда должен представиться случай, дающий возможность проявить свою страсть к гомосексуальному акту, но случай этот может воздействовать лишь на те половые задатки, которые в большей или меньшей степени заложены в индивидууме и лишь ждут разрешения.

Остается еще одно мнимое толкование противоположных половых ощущений – воздержание. Но защитники теории «совращения» должны тогда объяснить факт, почему при половом воздержании можно еще найти какой-нибудь другой выход из возбужденного состояния, не считая онанизма. Стремление же людей к гомосексуальным актам и их выполнение объясняется только тем, что стремление это заложено в их природном предрасположении. Гетеросексуальное влечение тоже ведь можно назвать «приобретенным» в особенности если констатировать то обстоятельство, что гетеросексуальный мужчина должен прежде увидеть какую-нибудь женщину, по крайней мере, ее портрет, чтобы влюбиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.